

Владимир Бауэр

Цирк ВЕТРАМИ ВЕТРАМИ

Владимир Бауэр

УПРАВВЕТРАМИ

*Рисунки
Ольги Лаврухиной*

СПб ООК «Аврора»
Санкт-Петербург
2022

* * *

Мне холодная весна так нравится теперь,
что страшно за себя и за приязнь такую.
Пронзительный сквозняк проскальзывает в дверь
и, бескорыстно чист, струю несёт нагую.

Снег водянистый льет на съёжившийся сад,
чьи, белые уже, недвижимы ладони.
А я не хмурю взор, я даже втайне рад,
что не до суеты обледеневшей кроне.

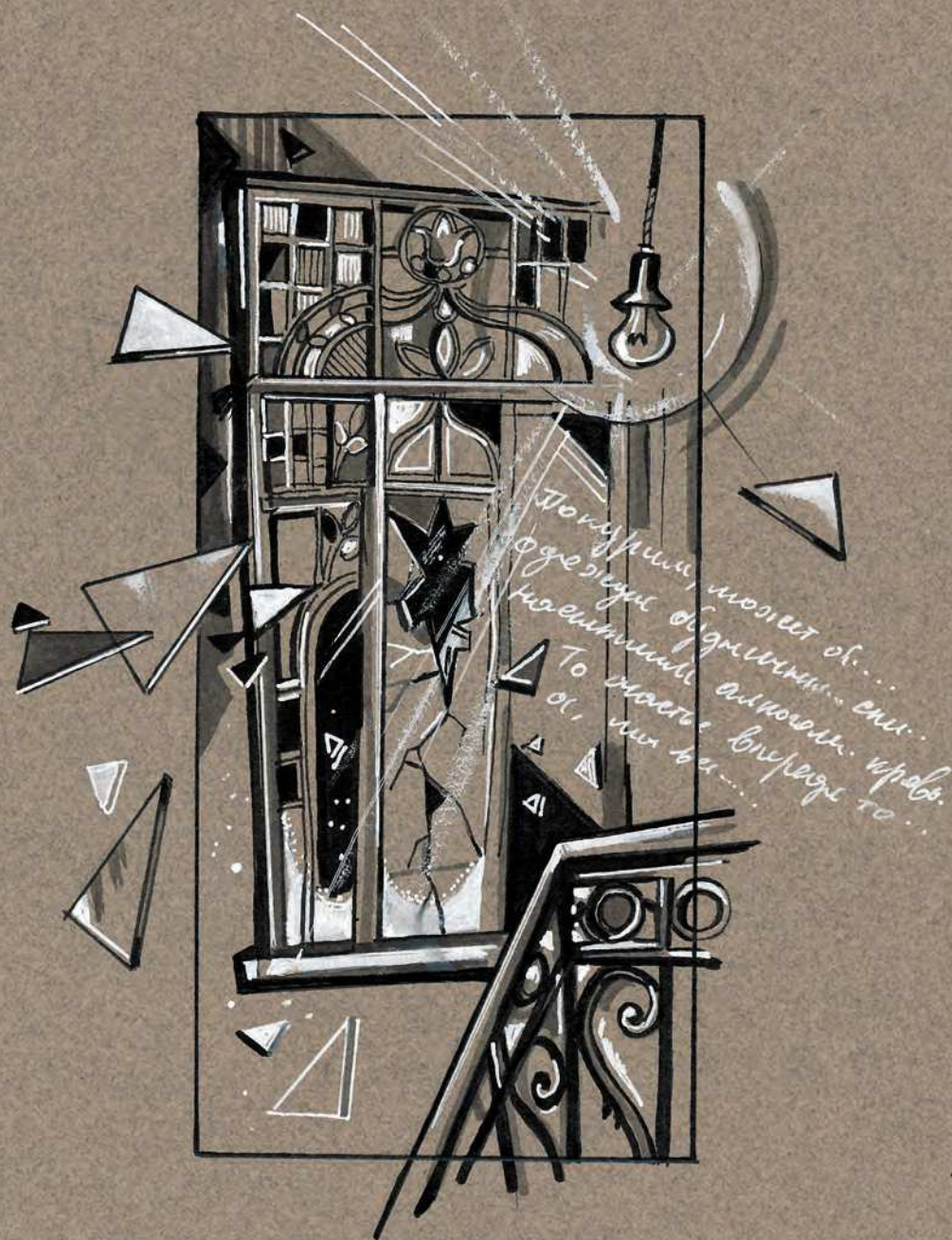
Не страшен мне борей — борею не до нас.
Он хочет до ручьёв застенчивых подземных
добраться — не сейчас, так в следующий раз,
и навсегда застыть в их девственных вселенных.

О стылая душа, привет тебе, привет!
И мудрая притом, и чуткая умело.
И смерть, конечно, есть, но смерти всё же нет.
А если кто затих — то батарейка села.

ИМБАТ

Имбат — средиземноморский летний морской ветер.
Приносит свежий морской воздух на жаркие берега, умеряет зной.

Получили, может ст...
одежды обгоревши... сны...
наемный апартамент... кров...
То масть впереди то...
о, мы та...

* * *

Моим стихам, написанным столь рьяно,
что воспалённый мускус павиана
досель висит, — а им немало лет,
хотя б за то сегодня благодарен,
что открывают двери новых спален,
и как же не открыться им — поэт,
министр наслаждений сам стучится,
когда ещё такое приключится?
А может быть, наутро воспоёт?

...Ночь перья распускает, как жар-птица,
и вопль, противный слуху, издаёт.

А что есть дух, как не стремление тела
преодолеть естественный отбор?
Поёт, не задыхаясь, Филомела,
пока бурлит желанье в норах пор.
И вслушивается осоловело
столетний вран, забыв про «невермор».

Всё мускулистое плодоносяще, —
напишет вялофаллый философ
и в чахлой антиномий сирых чаще
ещё продремлет несколько часов.
Когда надежда при смерти, чего уж
петь и плясать тут — всё всегда зазря.

...И тут во склеп врывается Приёмыш —
лучист, розовощёк.
И это — я!

* * *

Ах, кто бы дырочку протёр,
в которую верблюд с иглою
следит, горбатый вуайёр,
как дерзкий Дафнис клеит Хлою.

Прикидываясь тюфяком,
ласкает как бы неумело...
Трепещет Хлоя мотыльком,
роняет ягоды омела.

Верблюду хочется. Хотя
сквозь пыль античную детали
протискиваются, кряхтя,
а вздохи — те совсем застряли.

Так у небесных райских врат,
куда верблюд иглу дотащит,
сей низкой жизни аромат,
в ушко не просочась, обрящет
тоску животную и стыд
взамен овечьей неги лона,
да на загон — для Аполлона
предавших — выморочный вид.

* * *

Все последствия печальны,
как их ни обозначай.
Коль увидимся нечаяно —
ты меня не замечай.
Быстрых взглядов поединком
ранку не разбреди.
Для тебя я невидимка
с красным носом посреди.

То ли ветер в ставни бьётся,
то ли кто-то из людей...
Что влюблённостью зовётся —
расскажи, прелюбодей.
Опиши, как керосинка
неумелая чадит,
и кончается пластинка,
а игла ещё чудит.

Из бессмыслицы и блуда
плотно скручена судьба
безымянная, покуда
пряди потные со лба
ты, лентясь, не убираешь,
сгусток ярости и мглы.
И, без звука, замираешь
под шипение иглы.

* * *

После нежности этакий ноль наступает
и молчание наше с тобой сепаратно.
Ветер носит лишь то, что собака налагает.
Пред глазами роскошные, жёлтые пятна.

Оживает лимонное сдутое сердце,
наполняется заново фибрами пыла.
И напомнив себе чудака-иноземца,
улыбнись и кивну, что бы ты ни спросила.

То, что сблизило нас, превратилось в какой-то
незатейливый миф, вариант Вавилона.
Нужен новый огонь, а иначе когорта
просочится теней из остывшего лона.

Этот сумрак, ворующий у прозябанья
формы внешние, способ слияния с серым,
между мной и тобой исказит расстояние,
заморочит, отдаст на поживу химерам.

Ничего не получится без передышки,
без дремучего глада — ни рая, ни лая.
Но докурим — и только: *откуда дровишки?* —
сможешь выдохнуть, щепкой безумной пылая.

Я, наверно, уже обречён на такое
беспрестанное о ерунде говоренье.
Прижиматься в жару в переполненном стоя
под шаманскую музыку сердцебиенья.

И дракон одиночества дышит в затылок,
и проносятся скопом фальшивые ноты...

Ритуал из молчанья, улыбок, заминок,
бронзы новенькой, стёртой белым позолоты.

* * *

Ф.

Пойдём, на улице побудем,
слова на ветер попускаем,
подышим снегом водяным.
Авось любовь свою разбудим, —
прикинь, она прозревшим Каем
прильнёт к окошкам слюдяным.

А знаешь, хоть и дура рифма,
но ты на Герду впрямь похожа,
больную снежным королём.
Кому из нас, не знаю, хуже, —
хоть у меня теплее лимфа,
но мой сурок при нём.

Покурим, может быть, поладим,
одежды, нежничая, скинем,
насытив алкоголем кровь.
То счастье впереди, то сзади,
а мы всегда посередине, —
такая вот любовь.

Винить тебя — что стричь ребёнка:
чихнёшь — и ушко станет ало.
Не плачь, не плачь, не плачь, не плачь.
Всё, что упало и пропало,
отыщет боженьки гребёнка,
прикатит жук-рогач.

Но если правда, что гормоны
шумят напыщенно, а мясо
людское мучит вышний глаз,
то специальный взгляд Медузы
(не зря же — матери Пегаса)
накрыл по делу нас.

* * *

В постели с кем сейчас лежишь,
любимая, кому бормочешь
чушь влажную. Тростник, камыш —
не важно ветру, кто я.

Хочешь
я глупость сделаю? — одну,
другую, чтоб твою нелепость
уравновесить, что ли; сну
меня не уморить, и крепость
бессмысленного коньяка
беспомощна в ночи белёсой,
где, на краю материка,
шлю в пустоту свои вопросы.

И голос мой не долетит,
не увлечёт, не околдует.
Покуда хоть один пиит
живёт, ему навстречу дует
протяжный ветер и слова
на строчки за его спиною
растягивает. Такова
разгадка. С бурей и мглою,
но объясненье, почему
не нам назначенные речи
нам достаются.

По челу
сбегает тень, но уж далече
её виновница. В ночи
она барахтается, на́га,
пока смеются смехачи
и в чреслах не иссякла влага.

* * *

Валентину Берднику

Деревни Лядино и Глоты
стоят на речке Плечевой.
Читатель милый мой, ну что ты
качаешь грустно головой?

За мной!

Прокатимся на дрожках
в лесок, где ямбы мнут хорей,
а на мерцающих дорожках —
следы продвинутых ноздрей.

Мне грустно без тебя, поедем —
твой всё одно бессмыслен путь —
к затонам, ерикам и нетям,
где грудь безумная и жуть!

Где сыр, на бреющем летящий,
лисе вонючей шепчет *сир*
и, страстию объят щемящей,
над девой слёзы льёт вампир,
и шутят панночки зловеще:
любить иных — тяжёлый квест.

А брызги волн от света звезд
ночь слаще делают и резче...

* * *

Бутылку пластиковой воды
нашли и поняли — город рядом.
А нам и нужно как раз туды —
к делам, друзьям, кабакам, наядам.

Там целлулоид и каучук,
кристалл, вмонтированный в алюминий,
не мучит ухо галдеж пичуг,
засевших в кроне манерных пиний.

Дай, расцелую тебя, асфальт,
дай, банкоматик, просуну в щёлку
нежнейшую из кредитных карт —
подкинь банкнот городскому волку.

...Нас хмуρο грабили лесники,
пейзанки драли за хлеб и ласки,
собаки, вывалив языки,
бухое **фас** от придурка в каске
сожрали с яйцами заодно б,
но скромный ангел-управветра́ми
шепнул: *все в кайф, аусвайс тип-топ.*

И глухомань блеванула нами.

На збегуи нуде мо, ачудно мило, да не
улазиш у ми, ачудно мило, да не
улазиш у ми, ачудно мило, да не

договорились. Но, да не
договорились. Но, да не
договорились. Но, да не

но, да не договорились. Но, да не
но, да не договорились. Но, да не
но, да не договорились. Но, да не

* * *

В Германию, к маменьке — пошлость какая —
приехал, и стало вдруг скушно.

Какая
бодяга записывать это тупая,
с торпедою сравнивать тело трамвая.

Записки спалю эти не путевые.
Прямые ли улочки были, кривые,
сусального замка слюнявые башни
да мельницы ветряные на пашне...

— О чём бишь шумишь?
— Да вот, знаешь, не знаю.
Слова в гармонический ряд расставляю.
На Дрезден взирая, ворочая выю,
игрушечную, вишь, пою ностальгию.

Любовь подвела, и София свинтила.
Духовная пища с зубов крокодила
шипучкою адреналинной, летейской,
не балует ныне в ночи европейской.

...На звёзды глядеть, слушать речь, не вникая,
мамзели грубить: *danke schön*, Навзикая.
И, тело восточногерманское холя,
надсады искать, и смущенья, и горя.

* * *

Встречает страсть весну, бледна:
Зима была не холодна,
по-рыцарски готична,
мне с ней спалось отлично.

Зачем нарушила покой
своею мутною рекой,
болтливыми ручьями,
слюнявыми речами?

На щепку щепке лезть пора?
Какая, господи, мура —
пунцовые цветочки,
набухшие сосочки...

Мне умный снег приязнь дарил,
парок над головой парил,
сквозь нежные метели
мне ели зеленели.

Мороз, колючий философ,
уютной робости засов
иронией резонной
сорвал с души бездонной.

Шатун, шальной лесной плеябой,
любовью воспылал прямой.
Жаль, в слепоте пыланья
не избежал закланья.

*А как смущались снегири
от шепотка: «Берёшь? — Бери!»
А брали как! — ликуя,
прилежно крылышкуя...*

Тут зев, зелёный — просто страсть,
раскрыв, весна пожрала страсть:
*Люби во тьме утробы
сосульки да сугробы!*

* * *

Валяемся на берегу
под вздыбленными облаками.
Я всё проделал, что могу,
с твоими длинными ногами.

Твой отстонался томный стан
и выплеснул своё томление.
Не зря упёртый капитан
на дрожь, на дрожь держал равненье.

Вокруг июль и травостой
и трепет маковых ворсинок.
Усталый чёлн трубит отбой,
начав и кончив поединок.

* * *

нигде спасенья нету
нет

нигде спасенья
нас гложет ультрафиолет
свербят затменья

на теле сыпь в мозгах червяк
на сердце рана
и женщина для просто так
и ресторана

зачем же музыка во мне
а в чреслах нег
и не кикиморы во сне
но хлопья снега

идешь не чувствуя подошв
на спины глядя
и ничего уже не ждёшь
хоть болен дядя

* * *

Живы девки, только девки,
их бесстыжие издевки
над подсдувшейся мошной,
над обвисшею мошонкой,
холостяцкою тушёнкой,
мы ж — верлибр уже сплошной.

Ах, любой свежей нетленки
их подбрюшья и коленки,
их — один на всех — лобок.
Мест филейных колыханье,
и экстазов полыханье,
и прохладцы ветерок.

Вот, в кабак ведя ундину,
мысли мну, как в пальцах глину:
как затем объять ловчей
бугорки её и поры,
перси, лакомые норы
и сердечко в сто свечей.

*Фалиядия проника,
кривь, милина-иживика...
Полимонечку, ураг,
дубо-добной дыбы льниво —
сам бы так же б трусил рвиво,
расциляя щикуляк.*

Ну, чего дрожишь, жизнянка?
Чуешь? — та ещё пейзажка —
на затылке жарком длань
жадную трепетолова,
обмирающего слова
раздирающего ткань.

* * *

— Я верю в женский ум, — сказала
блондинка, ухмыляясь, мне.
Мы с ней курили у вокзала,
не сговорившись о цене.
Луна угрюмо нависала
над нами в зябкой вышине.

— Ты алчная, однако, льдинка,
а весь твой ум от ремесла, —
ответил.

Побледнев, блондинка,
как комсомолка без весла,
застыла.

— Твой анализ рынка
смешон, — поддел её без зла.

...Так по дешёвке красноречья
я всхлипывающую мял
ночную нежность человечью
на чёрном шелке одеял.

В немеющей любви оскал
цедя рефлексию овечью.

* * *

Ты право, пьяное чудовище, —
сюда пришёл я, твой пожар ища.
Сердцебиение в нём то ещё,
а негa после скачки тающа.

Ответь, блудница, есть ли счастье
в другом таком же подбугории?
Хоть и страшуся смерти пасти я,
живуч сей глад, как змий в Егории.

Ты застишь взгляд звездой нечёсаной
в вечернем спутанном за-знании.
Слова из пустоты разбросанной
в немом блуждают мироздании.

Дивлюсь, как розы широки твои,
грех первобытный завершая.
Как много утвари и вытвари
душа хранит твоя большая...

А звуки пряно-ресторанные
до эмпиреев, к нам, доносятся.
И чудеса творит нирванные
над миноносцем миноносица.

* * *

Не передёргивай того,
не передразнивай сего,
а мне хватило б одного
и для любви, и для всего.

Желаю верность я познать,
в её блаженствуя глуби,
и чтобы тот, один, дышать
не мог бы без моей любви.

Чтоб нежность только лишь моя
с его души снимала б боль,
а удовольствия струя
была б чиста, как си-бемоль...

Зачем же надо мной бордель
взахлёб смеётся смехом злым?
К чему летят в мою постель
одни обдолбанные в дым?

Мечтай, — мычат, сквозь балдахин
вперя мутно-нежный взгляд,
туда, где мой, о мрак, Один
им улыбается как брат!

* * *

А. Б.

Любовь немного пахнет зоопарком.
В любви я признавался даже паркам.
Те удивлённо вскидывали бровь,
отбрасывали, скаясь, пряжу вечну,
вели без колебаний в ночь беспечну —
повеселить провидческую кровь.

Я мило доверял их предсказаниям
и подчинялся вздорным указаниям.
Наверно, оттого судьбы моток
извилистой моей всерьёз не рвался,
хоть зверь песец не раз за мною крался
и был хранитель-ангел кривобок.

Меня, видать, хранит любовь.

Увольте
от лживых обвинений в скотском вольте.
Мне сладкой паркой выдан талисман.
Остёр, быстёр, шустёр, учён экстазу,
я нынче мыслю новую проказу —
сплясать с Евтерпой терпкою канкан!

* * *

Пока ты холью и лелелью
любовников окружена,
пока долбит снега капелью,
весенним уксусом пьяна,
зима ущербная — нет проку
поддразнивать и бередить.
Подход закрыт — и так, и сбоку.
Уснуть, не видеть снов, забыть.

Когда, бесчувствия бронёю
укрытый с головы до пят,
влачишь в ремонт к умельцу Ною
свой самогонный аппарат —
ноябрь вокруг, что так же плоско,
как если б май в цветном плаще.
И вдруг, дрожащая как слёзка,
ты в никуда бредёшь вотще.

Пускай от холи и лелели
лишь шрам над копчиком, щемящ.
Пускай пожухли асфодели,
мял кои твой улётный плащ.
Но бёдра, рот глубоконёбный,
но перси, не входящи в пясть,
рык предоргазменный, утробный,
но звёзды, бездны в коих власть.

Но бог кишасий, царь блюющий,
но гуттаперча, канифоль.
Но быть услышанным могущий
лишь скальдом гибельный пароль!

* * *

Когда Васильев-пулемётчик
достал свой голубой платочек
и, сняв с него сопли кусочек,
слезу рабочую утер, —
мы поняли, что пали цепи,
которые он, на прицепе
скукожившись, пыля по стéпи,
расстреливал в упор.

И мы, глодавшие страницы,
мелькающие, как станицы
в глазах взопревшего возницы,
со лба смахнули пот.
Он выжил, Господи, он выжил,
и всё, что будет дальше
(ниже),
все несварения, все грыжи,
отмажет пулемёт.

Вот прозы вся разгадка: можно
в главе бездельничать,
тревожно
о чем-то спрашивать,
надежно
припрятывать родной максим.
Но было! — мы читали! — было!
И эта, что его любила,
и та, которую знобило, —
мы всех ему простим.

И эти сопли, эту жвачку
и длинноносую скрипачку;
мы верим, он припас заначку,
быть может, не одну.
Мы будем ждать, листы листая,
покуда изо рта густая
струя не вырвется, а стая
не вззоет на луну.

Не то поэт. Он видит семя.
Он вечности терзает вымя.
Зрачком окрестности буравя,
лежит, в молчанье погружён.
Шевéлит пальцами босыми,
червяк меж этими и теми,
пока не проведёт трусами
по носу влажный Купидон.

Ну что ещё, литература,
от нас стерпеть сумеешь, дура?
Тебя, как смерть Рокамадура,
от грамотных укроем орд.
Спи, изнурённая.
В хрустальном
яйце ли, волке ли педальном, —
разбудят поцелуем сальным,
измажут патокою рот.

СИРОККО

Сирокко — горячий, грязный ветер из Африки, чья красная и белая пыль местами выпадает в виде кровавых и молочных дождей. Преступления, совершённые во время сирокко, иногда прощались, объясняемые головными болями, бессонницей и неврастенией, которые он вызывает.

Сухими рёбрами как шурба
 Но в пещерах пещер, как в гробу.
 Летят, пока они в гробу... где там?
 Их свою не успевают трюбу... там...
 И аргон. истлевшие ступи...
 Кля сохнут, просека туча?
 Угрю. где тучи?

* * *

Вот ты, вполне уже возможно,
не очень-то теперь и ты,
поскольку сбыл неосторожно
розовощёкие мечты.

И, к счастью приговорённый,
у совершенства под пятой,
лежишь, соитьем усмирённый,
с довольной женщиной не той.

Счастлив! К чему теперь рыдания,
злых аонид угрюмый хор,
когда Италия и Испанья
пытливый усладили взор.
Когда в суглинок парадиза
уложен чаемый улов —
морского беззащитность бриза
и океанских рык валов.
Когда басы бесов вдудели
в ушную раковину те
слова, которые хотели
растаять в чёрной немоте.

Чуди теперь, как Гауди, и
ундин надеждами пытай.
Король не пойманный Сардиний.
На майской уплывая льдине
за ойкумены жидкий край.

* * *

А. П.

Мчатся бесы, тщатся бесы
перемерить все портки.
Я гоню их: *прочь, повесы* —
слабым манием руки

То ль слова мои им лестны,
то ли пламя плавит зад —
вылетают враз из бездны
и в примерочной галдят.

Даже те, кто многозады,
в кучах роются порток.
Воют горестно с досады,
свирепеют как де Сады,
швей швыряют в кипяток!

Так кармический сей скрежет
преотвратен, что у нас
и ножи уже не режут,
и межзвёздный слипся газ.

Даже кто в полынь укурен,
холодеют, видя, как,
приодевшись, стал гламурен
чёртозадоморфный мрак.

*Вижь, — втирающий, — и внемли,
улещая и масля, —
всяку тварь в душе приемли
да не кайся опосля.*

...Всех спалю и бодхисатвой
отсижусь в саду камен.
Пусть хлебнёт нирваны зад мой.
Пред обугленным Махатмой
вольных не склоню знамен!

* * *

В соседнем цехе болты жолты,
и так манят к себе оне...
Но мастер мне сказал: *пошёл ты...*
и я шагаю, как во сне,
над тёмной изгородью смыслов,
морали мреющей поверх,
а мне навстречу архипристав,
неисследимый суперстерх.

Ни гения, ни идиота
пласт понятийный тех высот,
где нам доумевать охота,
не знает: *свет вам да пейот!*

* * *

В омут собеседованья
я нырнул без колебанья.
— Где от счастья ключи?
— Кто на свете всех надмирней?
Пролетая над кумирней,
громче в грудь свою стучи!

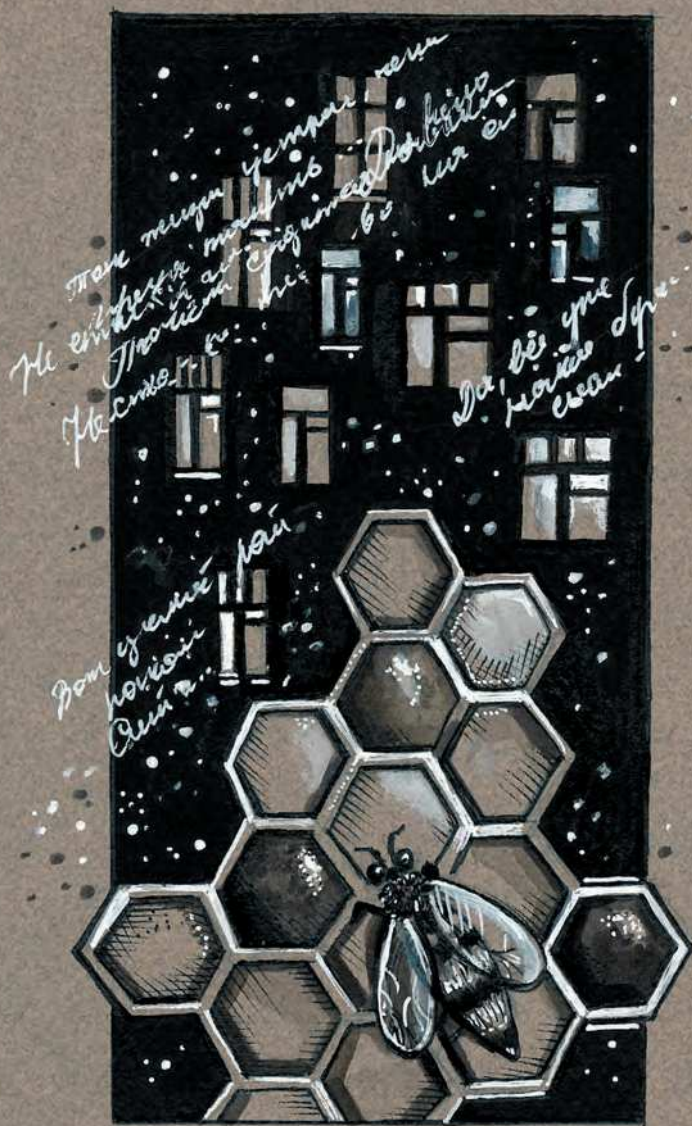
Что откажут мне в посольстве,
я, возвращённый в хлебосольстве
просвещённый колобок,
мог ли ведать? На макушке
с горя выросли горькушки,
прокоптил подкорку смог.

— Чьи полураспады круты?
— Где, АБВГриуты,
мой алчебник голубой?
— Что растёт на орке, суки?
— Для чего связали руки,
бормоча: *заткнись и пой?*

...Средостенье, упование,
забубённое камлание:
надкуси меня, Гурман,
если я чего-то стою,
если тенью не пустою
продираюсь сквозь туман...

С бессловесным ртом на ветке
бес беседует в беседке.
Заливает, веселясь,
в робки ушки смрад свинцовый,
дабы рай, пацан пунцовый,
вещну с братом чужд связь.

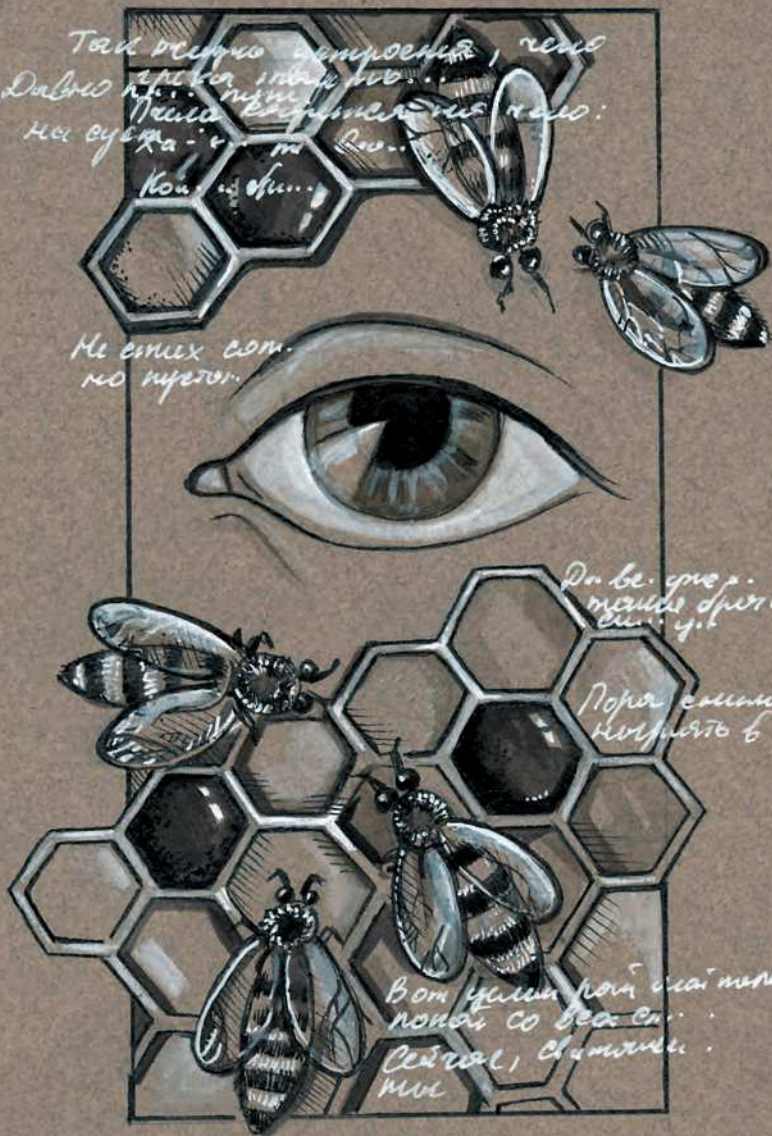
Так остро затронуто, чем
 Далеко прелесть, интеллект...
 Пускай в душе не пусто:
 Но света... м...
 Кон...

Не стелю сом...
 Но тороп...

По ве...
 м...
 ...

Попы...
 ...

Вот целая лоя...
 попой со...
 Седьм...
 ...

ВОЗНЕСЕНИЕ ПУХА

Так жизнь устроена, чего
греха теперь таить...
Пчела садится на чело:
ха-ха, тебе водить.
Колись, бродячее жерло
стиха, куда ж нам плыть?

Давно пристреляны пути
на сумрачной земле.
Куда-нибудь себе лети, —
я говорю пчеле.
Не стих сопит в моей груди,
но пустота в петле.

Да, всё уже не «ла-ла-ла»,
такие, брат пчела,
сама давно бы поняла,
несладкие дела.
Пора срывать с себя крыла,
нырять в дыру дупла.

Вот целый рой мой теребит
покой со всех сторон.
Сейчас, свинячий содомит,
пархатый Арион,
ты будешь жалами прошит
и не удержишь стон.

*Когда, куда, зачем, кого,
откуда и доколь —
ты всё расскажешь для того,
чтоб превратилась боль
в янтарной неги вещество,
ну, скажем, в мёд. Изволь.*

Но, воле авторской не раб,
я исчезаю враз,
мохнатомахом крылолап
мча в стратосферный мраз,
где над страной дорожных троп
безмолвствует ГЛОНАСС...

* * *

Не фартит, не форелится, хрупок фавор,
уползают друзья за туманный бугор,
ибо здесь с высоченного даже бугра
не увидеть просвет, не дожить до утра.

Чудаки! — в ожидании суетных утр
можно столько испробовать поз-камасутр,
что в рассвете пустом и нужды уже нет
нам, разнежившим трением внутренний свет.

Кто не чует хребтом брадобрееву длань?
Лишь ушедший далёко за разума грань.
В забугорье такое мне страшно пока,
да к тому же родная страна широка.

В ней легко затеряться иголкой в стогу
и глаголом колоть трусоватую мгу,
бородатую жуть, православную хмурь,
умножая стаканнных подмножество бурь.

Можно прыгнуть и тут за пределы дерьма,
не раскоав при этом копилку ума.
Провернув мандельштамовский этот кульбит,
будешь сладко дышать и надёжно забыт.

*Дыр бул щыл! — говорю тебе, морось и хмарь, —
я присяду, подвинься, хлебни мой вискарь.
Пей не морищась, чтоб вёл твой скрипящий авось
всё затейливей вкривь, всё забористей вкось.*

1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295
 2296
 2297
 2298
 2299
 2300
 2301
 2302
 2303
 2304
 2305
 2306
 2307
 2308
 2309
 2310
 2311
 2312
 2313
 2314

[illegible]

* * *

На зрителей, укрытых в чреслах кресел,
взирает провиденциальный зрак.
Ему спектакль давно не интересен,
а также вихри яростных ватаг.

Но эти, вроде верящие в нечто,
пришедшие погреться у огня,
заносящего ночь...

Спешат беспечно
в Святой Буфет, ах, — бормоча, — *фигня*,
ах, — жалуясь, — *и тут вторая свежесть*.
не чувствуя ещё улыбки н а д
Того, кто к ним испытывая нежность,
убрал к чертям «Сошествие во ад».

* * *

Вот, вдохновеньем даровит,
но обделён талантом тщетным,
увлечь старается пиит
очей огнём и слогом бедным.

Грешно куражиться над ним,
но и внимать невыносимо.
Закройся поскорей, сим-сим,
лишь молишь, словно раб сим-сима.

Зачем вообще сюда...

А где
дышать надежде неподвижной,
прозрачной от житья в среде
непревзойдённой, мёртвой, книжной?

А здесь и гендер, и гормон,
и губ азарт, и плоти морок
витают с четырёх сторон,
щекочут переборки створок.

И что ж, что нету на земли
таланта?

Мир и сам бездарно
устроен. Сколь его ни зли —
в горсти сжимает благодарно.

*Дыши, терпи, кривись, вбирай
флюиды чortовы.*

*Лопатки
до тошноты набей и в прятки
бодрей с монадами играй!*

* * *

В романе без конца и без названия
скитается поэт-замысловик.
Собрать бы прозу всю да сжечь —
желанье
испытывает, пробует язык.

Он мыслью иступленной загнан в угол.
Культура обтекает, брезжит свет
звёзд пятиваттных.
Всюду слизь да убыль, —
душой насупясь, думает поэт.

— Довольно!
Утолю пиндарсюрпризом
духовный глад парнасских средь дерев
и стану рассуждать животным низом,
и к разведёнке рваться подо Ржев,
и предвкушать, как, выжав дымный «Чивас»,
шепну, лаская радостную грудь:
Давай любовью ноющую грусть
лечить, покуда смерть не различит нас...

* * *

Моя муза ездит на «Мазерати»,
по ночам бухает на грязных пати,
доползает едва до моей кровати.

Ни словца не добиться, одно мычание.
Не пора ли суровой начать лечение
прозой, спрятать шампанское и печенье?

Жаль беднягу: штук двести — и что ж, что мёртвых? —
родила стихов мне, все в муках, в спёртых
вожделением тиглях, котлах, ретортах.

Никогда, бездыханный плодя детинец,
не шептала в бреду: *сумасшедший немец.*
слаб твой дар, убог, так сказать, с мизинец.

— Аль не знала, когда оставалась греться?
— Хочешь жить, — острит, — так умей иметься,
а сумев, добела умудрись отмыться.

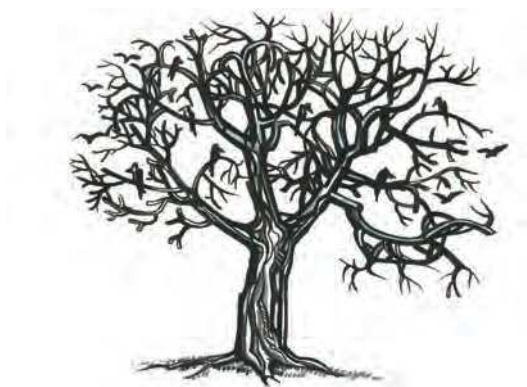
...Что, когда за плечами гудят руины,
станет делать прошедший до половины
путь напрасный?

Не резать же, право, вены,
вспоминая мерзавки душистой крики
над костром (прежарки его языки!),
над амбарною книгой смежая веки.

А демиург плодородной литературы
удобрит членскою книжкой
ноосферу съедобной культуры.

* * *

Путём ума холодных размышлений,
посредством сердца горестных замет
внезапно понял я, что я не гений,
а смерти не особенно и нет.

Так стало жить мучительно и трудно,
так надо мной сгустились облака!
В дожде ночном я плакал беспробудно
и некрасивым был наверняка.

*Ты тля, ты глист, — смеялась ойкуменка, —
ты борзописолох и демагог!*
Я унывал.

А если бы не Ленка,
тогда бы и повеситься я мог.

О, злое одиночество пожара,
чей воздух обжигаящ и щеляст!
О, знание, что воздушного ты шара
не часть, а в лучшем случае балласт.

Теперь душа, как после Рагнарёка,
тиха и чтит покой своих руин.
Светло и грустно улеглась морока.
Лимфоузлы расслаблены.

Нет прока
ни в ком, oprичь русалок и ундин.

* * *

Хотелось долго и случилось.
И низ животный живота
болел с утра, а ты лучилась,
как ахиллесова пята.

На подсознания запятки
взлетев (там безуздечны рты),
вбирает память в складки сладки
явь потрясенную, где ты:

любовной предаваясь воле,
не крик сплела, но вздох и дрожь, —
так, ветром бороздима, рожь
колышется внезапно в поле;

запив дебют смешной «Ламбруской»,
дразнилась ласкою французской,
повёртывалась на бочок
Большой Гороховой, но узкой
(ах, узкой — влез едва стручок!);

«Наполеона» нахерачась,
моя гоньба шепнув, шутя,
вновь наскакавшись и наплачась,
на мне уснула, как дитя.

Чем дню, который жид и зуммер,
я, тот, что нынче сладко умер
в его непризнанной ночи,
смогу понравиться — нечётко,
блажен, доверчив, мутно-кроток?

О да — ворчи, сучи, кричи!

Какие сны в моих чертах
на сердце раны
и ослепил для меня
прошлого нора
и в сердце моем
лишь одно
120 летняя сны.

* * *

— Нет у меня друзей, окромя подруг,
крашенных их очей, маникюрных рук,
трепет вечерний, утренний лёгкий стыд
люб, не могу...

— признавался седой пиит.

— Влага и нега у них обитают там,
где у друзей плотоядный сопел адам,
ярость и шум изрыгая, велик порой —
в час, когда не подагра и геморрой.

— Жизнь очень странно подводит, представь, итог —
с душ собирает накопленный треньем ток.
Видно, лишь этот страсти земной ампер
годен для поддержания небесных сфер.

...Небо темнело, внимая хмельным речам.
Девочка пела, амур вынимал колчан.
Боги шипели: *шняга, шальная чушь!*,
в стёкла шрапнеля градом замёрзших душ.

* * *

Когда, горя от страсти,
к NN тянусь, виясь,
в еённы лонны снасти
попавшийся карась, —
мне счастья не засти,
Разу́м, печали князь.

Так сложно стало нонче
обманиваться мне.
Стал вьедливей ли, тонче
мой вкус (хвала жене!).
Живу в безлюбья корче —
разврате и вине.

А тут NN — голубка,
глаза на пол-лица.
И хрустнула скорлупка
влюблённости яйца.

Свистают соловьюшки
подъём для либидо́.
Выводят секс-игрушки
волнующее до.

В любовный дартс (все луки
извёл амурный фронт)
играет пухлорукий
шарпеистый Эрот.

...Вот корки сердца ранок
насквозь пробиты им.
Иссяк ресурс починок, —
бледнеет херувим.

Но всех прощает, набок
свисая, господин.

* * *

Видений стайку поредевшую
уж как не бережёшь в суетах,
и на подругу залетевшую,
запутавшуюся в поэтах,
как не сердиться ни стараешься
и любишь дуру напоследок,
а всё одно — развоплощаешься
в субъект, чей дух землист и едок.

И надо понимать отчётливо,
в ком не иссяк Грааль горенья,
воспользоваться чтоб расчётливо
энергией их заблужденья —
наивноглазых дивных мальчиков
и ведьмочек заворожённых,
к тебе, мелькнувшему в журнальчиках
десятком строчек искажённых
(ну да, кокетничаю, чё уж там, —
нам всем позволено не всё ли?),
ревниво льнущих робким шёпотом,
восторгом острым первой боли.

* * *

А.

Идёт, забвеньем заметаем,
в своё глухое никуда.
Оно ему пока что раем
мерещится, а немота
за ним сурдоприводной тенью
плывёт, и вот он весь в тени.

Когда подружатся они,
молчаньем начинив мгновенья,
что звездна звездне промычит,
ярясь на счастье микроба? —
*Как нагл и дерзок он — до гроба
нелепый будет пусть пиит!*

* * *

Не получилось пропорхать
мне жизнь. Её до середины
прожив, я принялся пахать
стальную плоть бескрайней льдины.

И, семя в борозду лия,
я व्यюге пел: «Не попадает
в мой пятый дом луна твоя,
сердца под страстию не тают».

Журнал «Иные берега»
уж выслан мне подспудной почтой.
Антипутём зерна, в снега,
бреду, не властвуя над почвой.

* * *

Заиндевовшее индиго,
дитя мороза и севрюги,
в ночи несытой свищет дико,
тревожа призраков окружи.

Занесено его сознание
крупой безумья бури щедрой.
Мужайся, Божье создание,
закусывая ужас гетрой!

Тебе, как отсвистишь, примстится
покой, во сне прогонит выюгу
к чертям

Сидящего десница.
По правую, как пишат, руку.

* * *

Сожмёшь не левый и не правый
обида паюсной пузырь —
провидец снулый и лукавый,
вполне местами нетопырь.
Бредя из пустоты в пустое,
ведомый жилкой на виске,
ничьей горячечной не стоя
любви и жжения в соске.

Неотвратимости громада,
туманов флёры сдув, стоит,
обнажена — так встрече рада.
Звездой бессмыслицы манит.

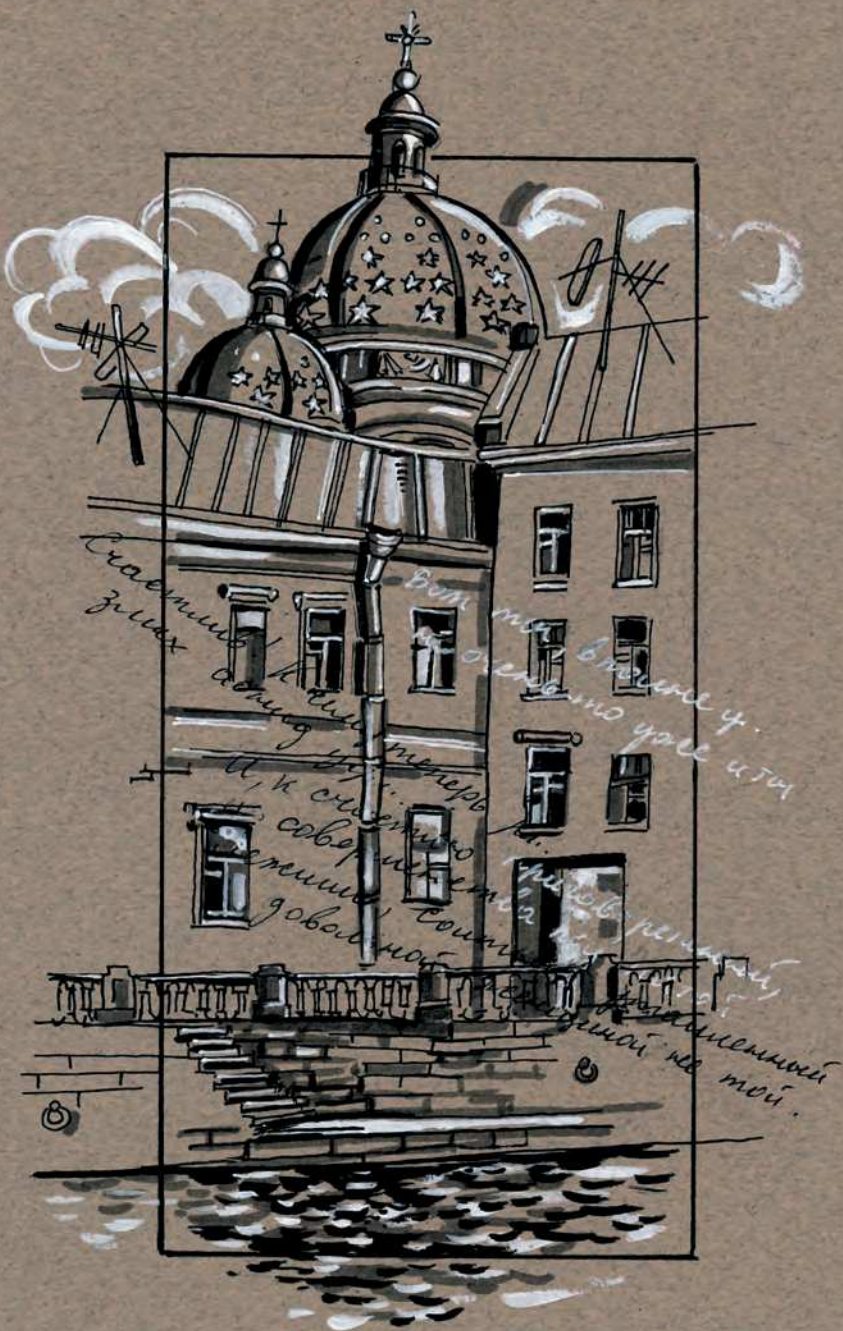
*Тому смеюсь, кто пощекочет, —
подмигивает и клокочет, —
таков улётный мой каприз.
С тобой не сухо мне, а сладко,
ты — плащ-накидка, не палатка,
виконт, а не шальной маркиз.
Тоской титана по тритону
обуреваема, до стону
хочу явить тебе, пришелец,
ключи, которым не иссякнуть,
ах, три гуся уже косяк ведь,
когда в глаза катит потеи!*

Ещё чуть-чуть — и дыр бул щылом
отборным станет токовать.
Пух смысловой, зарывшись рылом,
начнёт как печень поедать.

Литературная хинкальня
на раз заполнится гостями.
Насытится Евтерпы спальня
любовью, кровью и костями.

А фея, с коей просыпаюсь,
когда волшебник виноват,
мне бормотать: *чернеет паюс...*
всё чаще будет, пряча взгляд.
— Ответь, Фелица, что за строчка
ждёт у последнего крыльца?

— Забыт живым. Забыт — и точка.
Живьём. И точки без конца...

* * *

Со всей угрюмостью зоильной,
со всей туманностью заумной,
а также завистью бесстильной
и яростью широкошумной;

со всем порядком снов забытых,
всей чуйкой мнемозинной помня
парение на их орбитах,
жужжаньем прерванное полдня;

одной стреноженный опаской,
что речь с присадкой мысли трезвой
прегорькой станет и превязкой,
а не руладной, ладной, резвой, —

жду.

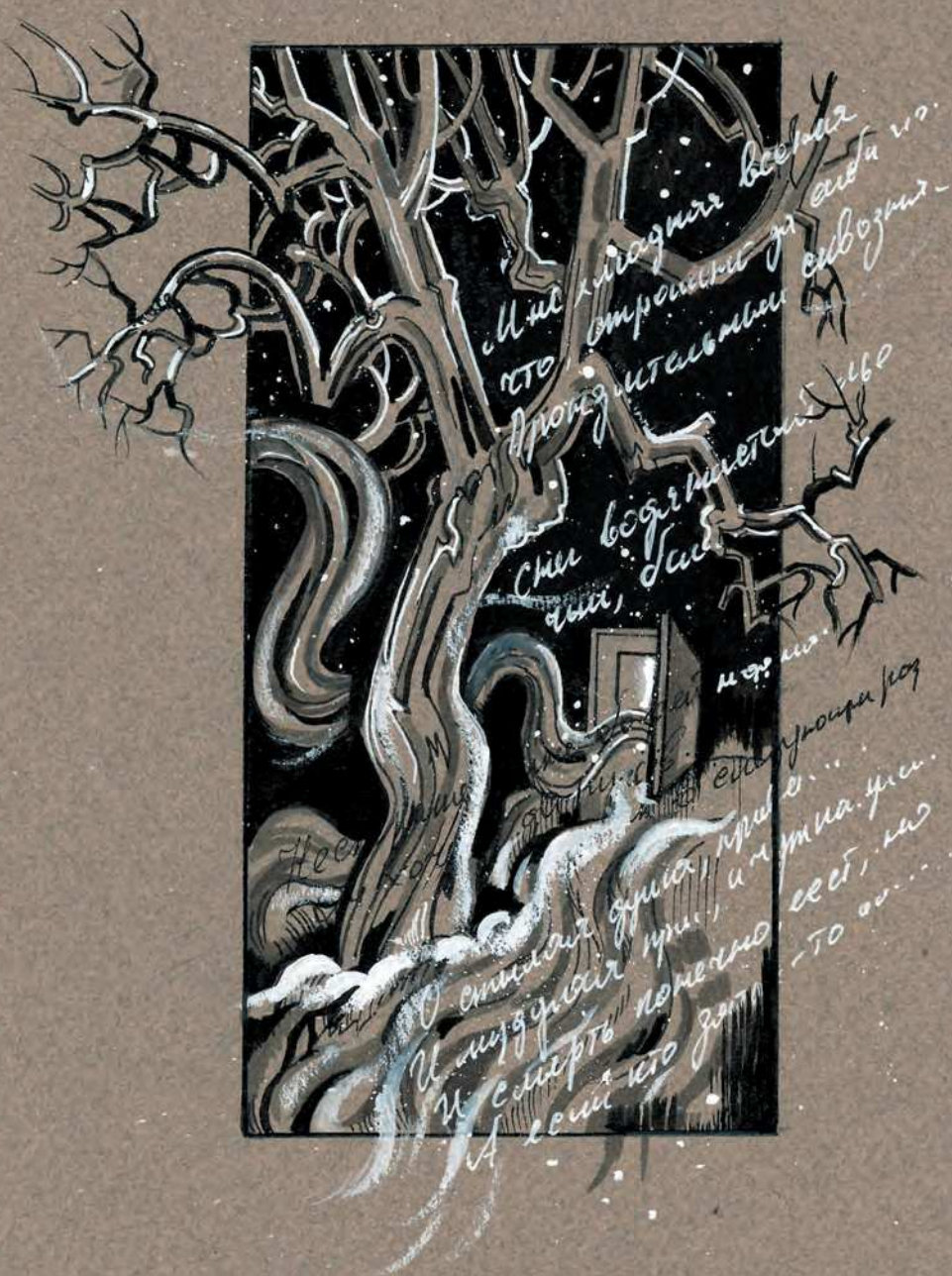
Свежесть летняя мне плечи,
всё понимая, гусекожит.

И слово делается легче,
и сбудется еще, быть может...

ТРАМОНТАНА

Трамонтана — дующий в Средиземноморье северный холодный ветер из-за гор, несущий в себе микробы безумия.

Милый мой, война
что, отпустила за себя во.
Прощай, любимый, с любовью.

Сил, бог, не жалею
Ах, Сил.

мою.

уходишь
есть...

Остаток души, при
и музды при, и на при.
и смерть поведи
А если кто знает
есть, но
то...

СИБИРЬ И МОСКВИЧИ

Зажечь торопишься, поцеловать спешишь,
затем венчаешься в дремучем городишке.
Судьба нешуточный показывает шиш,
над головою белки вертят шишки.

Зачем в Россию углубился, друг?
В объятьях каменных тебя зажали руды.
Единственный на волость ноутбук
варварские буравят пересуды.

Ну, как тебе туземный интернет,
бомонд натянутый учителок упорных,
занозами заросший табурет,
заборы слов заборных?

К чему теперь, безумный сибиряк,
мне шлешь через широты,
как ошалевший радиомаяк,
чудовищные приступы икоты?

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Придёт ко мне безумное дыханье,
и кровь по жилам потечёт бойчей,
беспаузное птичье щебетанье
тщету обрушит тишины ничьей.

А если воздух я глотать устану,
то сходку спровоцирую ворон.
Растерянной душе полёт в нирвану
лысеющий предложит лже-Харон.

Злой кислород, озон остервенелый,
азот смиренный, водород пустой.
Измотанный упорной Филомелой
уже и сам кричишь, как козодой.

Всё фальшь, что не молчание.

Молчанье
высокомерно. Воздух сыроват.
Но уж прорезан первыми лучами
рассвета в тыщу птичьих киловатт.

* * *

Заходит, заходит один за другой,
а третий за первого также.
Ни мысли, ни свежести тут никакой,
а жить после этого как же?

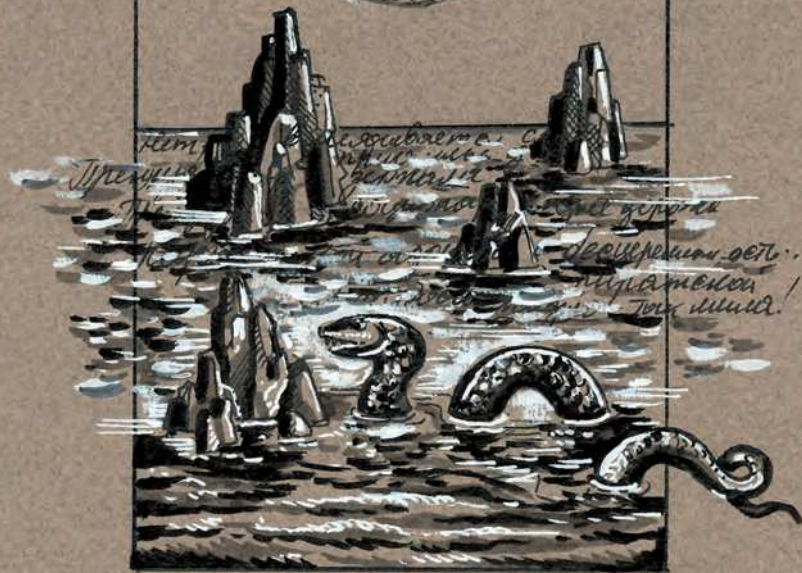
Зальёт и остудит, аж корка хрустит.
Немеют бесполое вещи.
А Тот, У Кого Неплохой Аппетит,
куда это смотрит зловеще?

Пустяк для виньетки, таблетка от сна,
под лайт-искривленье лекальце...
Но заумь, зараза, зачем, неверна,
в хромом рассыпается танце?

Ярись на осколки, бурли как Бурлюк,
добейся утробного лая!
И в тайной геенне откроется люк,
пощады уже не желая.

Дилетанты, считающие, что зрелище,
что имеют в подпорку через зрачки.
Добры тебе для вспомогательной

Характеристики зрения оптики.
Точный пример, как
нет, что ты видишь, когда смотришь
Хочешь, чтобы ты видел, что ты видишь
где ты видишь, что ты видишь

* * *

Фильтруй, сетчатка, соры зренья,
что мчат в подкорку чрез зрачки.
Добыл тебе для вспоможенья
гряезащитные очки.

Подай пример, ресница, веку,
от мельтешенья сбереги.
Нет пользы видеть человеку
ночь — в ней овраги и враги,
Харибды с потной Сциллой сшибка
да колыхания змеи.
О нерв глазной, соси не шибко
виденья гадкие сии!

Нет, вглядывается с дурацкой
приязнью даже в зеркала.
Премудростью социопатской
не дорожа, картинкой адской
с бесцеремонностью пиратской
любуюсь жадно — так мила!

* * *

Блажен, кто верует, блажен,
кто верует, блажен.
Прямую как ни удлиняй,
ты, сам себе рефрен,
недели мыкая, живёшь,
растягивая жгут,
который в прошлое ведёт,
в котором писем ждут.

И чтобы выпросить моток
проклятого жгута,
ты принимаешься писать
неведомо куда.
(Читатель, Ваньку вспомни и
забуди его, ведь Жу-
ков Ванька этот тёмный был,
а я свечу держу.)

Так вот, ты пишешь, и письмо
взлетает над свечой —
и исчезает, словно лист,
покрытый саранчой.
Всё, всё проглотится, и зев
тщеты, как бог, велик.
Но ты зачем о том твердишь —
не мальчик, не старик?

Ужели мышцею спинной
в нечаянный окуляр
ты видел, как тебя пробьёт
резиновый удар?

А может, силой одного
воображенья лишь
сугроб попробовал на вкус,
в котором ты лежишь?

Допустим — да. Но а тогда
зачем не чуешь, крот,
как в глотку катится звезда —
блаженство настанёт?

ИЗ ЦИКЛА «БОЛИГОЛОВ»

В книгах по психиатрии я читаю
только высказывания больных, но
не комментарии автора.

Эмиль Чоран

1

Когда я был в десятом классе,
а это значит — был застой,
хотел жениться я на Асе,
на смуглой девушке простой.

Вдруг началась перестройка,
и, вся в лосинах и понтах,
меня очаровала Зойка
своей квартиркой на Балтах.

Ах, жизнь, зачем в капканы сует
ты разливаешь ложномёд?!
И Зойка уж давно бомжует,
и Аська чёрт-те с кем живёт.

А я, Платон Екклезиастов
себе присвоив псевдоним,
лечу теперь энтузиастов
и верю втайне только им.

Оптимизируют, суки, потоки,
как их маркетинги, падлы, жестоки,
гимн из откопанных тропомузык —
смраден и тёмен законов язык!

*Строки сии спрячь в укромные гроты, —
если найдут, загремишь в патриоты,
в неводах чьих до хрена мудаков.
Век не отмоешься от ярлыков.*

Понаразвешали камер, ублюдки,
коих стесняются лишь проститутки.
«Столько бабла на безвредных блядей!» —
жабой придушен, шипит иудей.

*Не оставляй доступ к файлам открытым:
если прочтут — станешь антисемитом.
Будешь распят в паутине лучей
жалящих, миндалевидных очей.*

Необозримы, как овощебазы,
люд замороченный грабят лабазы.
Брошен спасти шум и ярость аорт,
редкий средину прошмякивал торт!

*Весь этот бред утопи-ка в клозете —
час неровён, разстрезвонят соцсети.
Вряд ли на службу тебя кто возьмёт,
ежели ты террорист-тортомёт.*

Робкие трели, дыхание и шёпот.
Проклят давно уже внутренний опыт.
Мозг не свобода пьянит, но вина.
Плещутся черти в чернильнице сна

3

Перепутав число зубов
алфавита и букв во рту,
я скажу тебе про клопов:
ах, они перешли черту!

Про любовь бы хотелось (ведь
полыхает во мраке плоть)
говорить мне и даже петь,
но клопов учинил Господь.

Коль тебя поцелует клоп,
будешь яростью ты распят.
Мог из малых сих мира кто б
бóльший в дом наш внести распад?

Мебель сдвинута, вонь в щелях,
перевернут диван-старик.
Сон ночной превратился в прах.

Мунк, не Мунк, а исторгнешь крик,
вспоминая, как гул затих,
как в больничке, в беззвучных снах
в штыковую ходил на них
и бен Ладеном палец пах.

4

Слюбился с Криспой некрещёной.
Что делать, Боже, подскажи?
Ведь ходит в платье со смещённой,
раскрепощённой точкой джи!

Цвета ядрёней лимонада
на платье этом проклятом.
А спит, ссылаясь, что монада,
в стогах, но не одна притом.

Как сладко сечь порою ранней
грехом разнеженный задок,
скрутив монадину в бараний,
козёл в ответ шипящий рог.

Вздымают волны страсти тварной
мой борт, и токи бьют насквозь,
но с Божией, гуманитарной
я помощью спасусь авось.

Да победит химеру вера! —
молю, химеру холя, я,
во славу Бога-вуайера
изгибов дивных не тая.

Пусть Он покроет сединою
в Него торчащие соски!
И, чудо ўзрив, я завою
от катарсиса и тоски.

5

*не хочу я галю
не хочу я свету
а хочу Володю
хоть с того свету*

*я ему буду
чинить носочки
стану любить
все подряд ночки*

*ах забьётся сердце
от счастья пташкой
даже отпущу
с наташкой и машкой*

*встану на стул
чтоб не захлебнуться
пусть там без меня
с любимым вьются*

*чтоб не улететь
налажу верёвку
то-то рассмеши
весёлого Вовку*

6

Зреет, знаешь, что-то с чем-то.
Кто-то с кем-то обо Мне
говорит. А Вифлеем-то
переполнен. Быть резне.

Небо в крошечке. На крошках
ни души, но горячи.
Ладан на Моих ладошках,
мирру лью на калачи.

Знойный ветер кружит ложиной,
бурю красную неся.
Кабы жизнь была морщиной,
то уже исчезла б вся.

Всех убьют, а Я, под грудой,
заклинаю нож — *минуй!*,
прозревая тот с Иудой
среброгубым поцелуй,
доживу до первосмертья
сквозь терновый зуд венца,
до небесного бессмертья
и блаженства.

Без Конца...

* * *

Культура против человека
пошла, и катарсисы с ней.
Уже почти что четверть века
среди рыдающих теней
её поэты-вертухаи
и романисты-палачи
творяют, резвяся и бухая,
и сеют, мрази!

Ты ж молчи
и слушай, смерд, не то в застенке
загнёшься, как родной «Дом-2»,
что на одной сидел нетленке
и ржал над пропастью у рва.

Но дыры бурым шилом
в ноо-
треклятой сфере пробуря,
почуем, как ползут по жилам,
хлебнувши воздуха хмельного,
свобода и заря, заря!

СЕМИДЕСЯТНИКИ

Семидесятники нелепые в свои
играют игры мелкотравчатые всюду.
Устраивают чтения, картины —
гляди ты — выставляют.

Вместе мы,
как веник, мыслят, непереломимы.
И правы, черти.

Знал я Машу Вениг:
на первый взгляд — тростиночка, она
была полна такой же

вёрткой силы,
тож игрывала в игры ролевые
шершавым, но пребойким язычком.

Я и сейчас нежнейшую приязнь
питаю к ней, не понимаю, что за
угрюмый бес владел моей рукой,
когда драгое имя вывел всеу,
алча семидесятников уесть.
Она — жена чужая, муж её
набьёт мне морду, ежели догонит,
да и сама обидится, небось,
кривляться предо мною перестанет.

*...Возможно ли дыханием живым
пожертвовать для точности неверной
сопоставленья
ради красного словца
лицо гордясь носить в кровоподтёках*

*смогли же эти дяди обойтись
актёрским мастерством железной спайкой
которую топор не прошибёт
с которую расправится лишь ржа возможно...*

.....

Ты вычеркнешь меня из записных
манерных книжек, вырежешь из снимков
фотографических, сожжёшь с негодованием
подробный дневничёк, мои подарки
подружкам передаришь. Будешь спать
с зелёным крокодилом. Уплывёшь
с друзьями на байдарках и каноэ.

Стихи возненавидишь.

Ничего
уж не изменишь. Твой настанет час —
какой-нибудь маньяк фольянтов пыльных,
захваченный историей печальной,
фамилию твою глупую прочтёт
и про семидесятников узнает.

2002 г.

* * *

*День провела среди жутких задротов —
тембр от нескольких алко-компотов
с чувственной (хочется вдуть) хрипотцой.
— Вдуть-то ты вдуешь, — топорщится разум, —
даже, быть может, доставишь о р г а з у м,
пошлый осёл, увлечённый овцой.*

Знаю замашки арт-критика с бровки:
после двухсот он не хмурит уж бровки,
после трёхсот сам впадает в азарт.
Ищет айкьюшки в кудряшках мальвинки,
тайнопись вязью на ляжках сабинки,
тело с душой разлучив, как Декарт.

Ах, эти сладкие ночи с овечкой!
Ангел-хранитель угрюмый со свечкой:
пóлно, сердечко сейчас из орбит!..
А и действительно, хватит — светает.
Скоро и очарование растает,
жуткий задрот всем подъём протрубит.

* * *

Вот тот, кто держит на цепи нас,
листая шубы дуба том.
Он откровением навывнос
торгует, таинством ведом.
И пахнут рыбой откровенья,
и дуб пролистанный притих
над упованьем упоенья,
во снах бурлящим налитых.

Вот тот, кто с ним играет в крысу.
К любви не склонный компромиссу,
со лба смахнув её потец,
пятнает густо ваксой чёрной,
аж цепенеет кот учёный,
упругих листьев фиги чтец.

Вот Аз и Есмь в купельном тазе
сквозь гневный рык спешат донести
о том, что поняли в экстазе,
благою почитая весть.

Их накрывает эйфория,
глуша предчувствие вины,
им внутривенная Мария
златые навекает сны.
Им цеппелины, луннобоки,
плывут знамёньем по ночам,
а небо огненные строки
дарует жадным их очам.

Пустынна лунная дорога
на потемневшей глади вод.
А на челне их было много, —
читает фигу мокрый кот.

Лишь мой в тумане шлюп скудельный,
чей парус трепетно-лилейный,
а капитаном спасжилет, —
хоть Время клонится к закрытью, —
несёт меня, как в духа Индю
пригодный, может быть, билет.

* * *

Бывают с душами промашки:
сомкнёшь объятъя, чуешь — вошка.
А у моей есть промокашки
примнемозинная подложка.

Омоет, скажем, ливнем кратким
воспоминанье ниоткуда,
а после хлюпаньем прегадким
не мучит разум из-под спуда.

В неё, вбирательницу тлена,
глотательницу дребедени,
вошли и дней бесславных пена,
и сумрачных любовей тени,
запал напрасный, трип случайный,
приватный свет (не надо света!),
четыре сбоку, треш венчальный,
дератизация поэта,
лицо в снегу, затылок в юшке,
дрожь, невермор на полустанке,
атас утруски, свист усушки,
мементоморио баранки.

Ты как, подложка, поживаешь
с такой внутри себя обузой?
Себя, небось, воспринимаешь
моей неопалимой музой?

Кипишь, небось, от предвкушенья
обильной выжимки стихирной,

где все грешки и поражения
ко славе взлетят всемирной?

Но пню в пенсне уж не до пеня.
Препятствуют полёту корни.
А помыслы тискам забвенья
всевозрастающе покорны.

* * *

А вы уверены, что вам
действительно пора?
Заводит сердце свой тамтам
и гонит со двора.

Туда, где, гоготать мастак
и выдыхать азот,
жуёт свой утренний бигмак
мучительный народ.

А водородоядный диск
по прозвищу «Златой»
под исступлённый птичий визг
закусывает тьмой.

Слепа путейная пора —
вот, выбран чёрт-те кем,
идешь к себе путём зера,
в забвения эдем.

Живешь себе, житьё суча,
цедя своё «фьюить»,
ослу-советчику врача
не в силах досадить.

Теряя маков цвет ланит,
прощаешь наглеца.
Конец уж близостью манит,
которой нет конца.

И, чёрным пламенем горя,
смежаешь ставни век,
судьбу, стыдясь, благодаря
за ужин и ночлег.

* * *

На — она уже остыла,
Боже мой, моя душа.
Вечно плакала и ныла,
угрызеньями шурша.
Вся до ниточки ослабла,
одолеть стараясь хлад.
На платформе объявили
остановку «Зиккурат».

На — храни её и, если
жрать захочешь, отогрей.
Мне — узнать осталось, есть ли
жар без дна (у якорей),
рай без музыки (у пенья),
синь без просыпу (у сна)
в полынье сердцебиенья,
для которой плоть — блесна.

* * *

Ю. К.

Мы выкурим сигарку
последнюю, и всё.
Прощай, прощай, покурим
нескоро уж с тобой.
Живи пока что дальше,
меняя то на сё,
и вспоминай меня и,
конечно, мой гобой.

Бесспорно, всё пропало
и дно захламлено.
Нечайными словами
лишь можно закружить
волшебные чайники
живого пепла, но
сколдуется ли Феникс,
способный повторить
нетвёрдый день, туманом
скрывающий хандру,
прохладный, чуть рычащий,
твой выговор речной,
склоненную над сахар-
ной ватой детвору.

И нас, стоящих рядом
как лист перед травой.

* * *

Коллоквиум в доме учёных.
И кой меня чёрт заволок?
Питомник девиц омрачённых
блюдёт комедьянт филолог.

Священных теней власяницы
на запах сличают и зуб.
Открытий брадатых зарницы
суккубам втирает инкуб.

Культуры тоска мировая,
твой край не обрящет конца!
Смеясь и как бы играя,
эфир забивает пыльца.

Кривляется, сыплется, алчет,
плодится, не в силах объять.
Журнальные выдирки прячет,
подкорку кормя, под кровать.

Метафоры, как симулякры,
снуют, не прибрать их к рукам
рассеянными жертвам подагры,
витийных наук чудачкам...

Ну, здравствуй, дыханье и пенье.
Вперёд! Тут — скала, там волна.
А здесь приберётся война.

До взрыва осталось мгновение.

* * *

Глаголом жечь сердца...

Покинув голубой двухтомник,
забыв про всех, кого обжёг,
мчит в катарсисоферомонник
отлично сложенный стишок.

Теперь лишь боги будут нежно
им, безупречным, обладать,
а сочинитель безмятежно
конца love story ожидать.

Он ведаёт — грустить не стоит:
стишок (печаль творца света)
в катарсисогиперболоид
засунут, вылюбив дотла.

СОДЕРЖАНИЕ

«Мне холодная весна так нравится теперь...»	5
---	---

ИМБАТ

«Моим стихам, написанным столь рьяно...»	9
«Ах, кто бы дырочку протёр...»	10
«Все последствия печальны...»	11
«После нежности этакий нуль наступает...»	12
«Пойдём, на улице побудем...»	14
«В постели с кем сейчас лежишь...»	17
«Деревни Лядино и Глоты...»	18
«Бутылку пластиковой воды...»	19
«В Германию, к маменьке — пошлость какая...»	21
«Встречает страсть весну, бледна...»	22
«Валяемся на берегу...»	24
«нигде спасенья нету...»	25
«Живы девки, только девки...»	26
«— Я верю в женский ум, — сказала...»	29
«Ты право, пьяное чудовище...»	31
«Не передёргивай того...»	32
«Любовь немного пахнет зоопарком...»	33
«Пока ты холью и лелелю...»	34
«Когда Васильев-пулемётчик...»	36

СИРОККО

«Вот ты, вполне уже возможно...»	41
«Мчатся бесы, тщатся бесы...»	42
«В соседнем цехе болты жолты...»	45
«В омут собеседованья...»	46
Вознесение Пуха	50
«Не фартит, не форелится, хрупок фавор...»	53
«На зрителей, укрытых в чреслах кресел...»	55
«Вот, вдохновеньем даровит...»	56
«В романе без конца и без названья...»	58

«Моя муза ездит на „Мазерати“...»	59
«Я, человек, не далёкий от литературы...»	62
«Путём ума холодных размышлений...»	65
«Хотелось долго и случилось...»	66
«— Нет у меня друзей, кроме подруг...»	69
«Когда, горя от страсти...»	70
«Видений стайку поредевшую...»	72
«Идёт, забвеньем заметаем...»	73
«Не получилось пропорхать...»	74
«Заиндевшее индиго...»	75
«Сожмёшь не левый и не правый...»	76
«Со всей урюмостью зоильной...»	79

ТРАМОНТАНА

Сибирь и москвичи	83
Утро в деревне	85
«Заходит, заходит один за другой...»	87
«Фильтруй, сетчатка, соры зренья...»	89
«Блажен, кто верует, блажен...»	91
Из цикла «Б о л и г о л о в»	
1. «Когда я был в десятом классе...»	93
2. «Оптимизируют, суки, потоки...»	95
3. «Перепутав число зубов...»	96
4. «Слюбился с Криспой некрещеной...»	97
5. « <i>не хочу я галю...</i> »	98
6. «Зреет, знаешь, что-то с чем-то...»	99
«Культура против человека...»	101
Семидесятники	102
« <i>День провела среди жутких задротов...</i> »	105
«Вот тот, кто держит на цепи нас...»	106
«Бывают с душами промашки...»	108
«А вы уверены, что вам...»	110
«На — она уже остыла...»	113
«Мы выкурим сигарку»	114
«Кволоквиум в доме учёных...»	115
«Покинув голубой двухтомник...»	117

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 29

Бауэр В.

Б 29 Управветрами / Владимир Бауэр. — СПб. : СПб ООК «Аврора», 2022. — 120 с.

ISBN 978-5-6045794-4-2

В новую книгу петербургского поэта Владимира Бауэра вошли стихи, написанные в основном за последнее десятилетие. Некоторые стихотворения, вошедшие в книгу, публиковались в журналах «Звезда», «Аврора», «Зинзивер», «Кольцо А», в антологиях «Лучшие стихи 2013 года», «Собрание сочинений», «Аничков мост», «Петербургская поэтическая Формация», «Антология Григорьевской премии». Книга проиллюстрирована известным петербургским художником-графиком Ольгой Лаврухиной.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-6045794-4-2

© Владимир Бауэр, 2022
© Ольга Лаврухина, рисунки, 2022
© СПб ООК «Аврора», 2022

Литературно-художественное издание

Владимир Бауэр
УПРАВВЕТРАМИ

Корректоры А. Бауман, А. Леонтьев
Компьютерная верстка В. Бердника

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+
Подписано к печати 20.01.2022. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 256 экз.

Санкт-Петербургская общественная организация культуры «Аврора»
197110, Санкт-Петербург, ул. Большая Разночинная д. 17-А
Тел.: (812) 230-65-75. E-mail: avrora19-69@mail.ru

Ничего не научилась бы пережить,
не поведеньем, не...
как их...
Поль...
глубокая...
мне...
и про...
всё...
мне...
и...

То ли ветер встает быстрое
всё...
распался, проливной...
завелся...

ISBN 978-5-6045794-4-2

9 785604 579442